

БУХГАЛТЕР

Василий Николаевич работал счетоводом в бухгалтерии Хлебоприемного предприятия, которая располагалась на втором этаже бывшего купеческого здания. Он приходил на работу раньше всех, доставал из шкафа счет под номером «76-5» и начинал разносить по карточкам данные, полученные за последнюю неделю. Его лохматая голова, склоненная над журналом движения хлебопродуктов была неподвижна, очки сползли на кончик мясистого носа, а полные губы всегда были плотно сжаты. Каждый день он появлялся на работе в стареньком сером пиджаке, темных брюках и резиновых сапогах. Василий Николаевич был полноват и неряшлив. Женщины в бухгалтерии иногда говорили, что от него пахнет козлом.

Василий Николаевич держал в хозяйстве коз с той поры, когда остался один без жены и ребенка. Они с женой завели коз, чтобы у малолетнего сына всегда было свежее молоко, а потом, когда жена по какой-то причине уехала в город к родителям, козы остались и прижились.

Каждый вечер Василий Николаевич выходил со своими козами на прогулку. На прогулке он был одет в серое демисезонное пальто, литые резиновые сапоги, а в руке держал том Владимира Пикуля. Василий Николаевич очень ценил романы этого писателя и порой пробовал убедить меня в том, что Пикуль лучший писатель современности. Василий Николаевич уверял, что в книгах Пикуля нет ни одного лишнего слова — только исторические факты, рассказанные хорошим и понятным литературным языком.

В конторе Хлебоприемного предприятия Василий Николаевич сидел рядом со мной. Он был лет на двадцать старше меня, но я почему-то этого не чувствовал. В этом человеке было нечто детское, так свойственное одиноким мужикам, которые нигде не бывали, ничего не видели и поэтому лесные свои потемки в минуты пьяной радости склонны были считать раем на земле.

После очередной полочки Василий Николаевич обязательно брал в магазине бутылку водки, банку кильки в томатном соусе и исчезал на обширной территории Хлебоприемного предприятия. Выпивали они вместе с кладовщиком Геннадием Сергеевичем где-нибудь за мрачными мучными складами, на берегу Вятки, в зарослях густого чернотала. После первого стакана Геннадий Сергеевич становился весело суетливым, начинал невпопад прихохатывать, а Василий Николаевич вспоминал свои молодые годы и удивлялся: как быстро они прошли. Вот он уже и брюшко отрастил, и на женщин почти не смотрит. Ну, разве что из любопытства.

— Раньше-то бывало, на хорошую женщину посмотрел — и штаны оттопырились на опушке.

— Ха-ха-ха, — красноречиво соглашался Геннадий Сергеевич. — По молодости со мной тоже случалось такое. Ха-ха-ха. Тоже случалось.

— А сейчас, сколько ни смотри — ничего не происходит. Зато жить стало спокойнее. Ни о чем дурном не думается. Не надо лишнего переживать. Говорят, переживания вредят здоровью.

— Точно. Ха-ха. Вредят. От баб одни гадости.

— Одному лучше.

— Понятное дело. Лучше одному-то.

Но когда приходила осень, Василия Николаевича одолевали грустные мысли, угнетало одиночество. Ему казалось, что жизнь

уже прожита, она начинает приближаться к концу, к своему логическому завершению, а он еще ничего толком не успел. Ни любви настоящей у него не было, ни духовного взлета, ни захватывающего сладким грехом падения.

Чтобы освободиться от тоскливых мыслей, он выгонял из сарая небольшое стадо коз и шел с ними на прогулку. На природе ему становилось легче. Вместе с козами Василий Николаевич выходил к речке, за которой возвышалось староверское кладбище. Какое-то время он прогуливался вдоль берега, заросшего крупными и корявыми ветлами, а потом по шаткому бревну перебирался на другую сторону реки. Козы вслед за ним проделывали то же самое.

Василий Николаевич гулял по кладбищу меж старинных мраморных надгробий и читал надписи. Одна из них гласила: «Здесь покоится раба божья Марфа Игнатъевна Бушкова, которая скончалась в Казани 10. 11. 1889 г. в возрасте 53 лет». Василий Николаевич останавливался возле красивой могилы и вздыхал: «Совсем молодая померла». Потом шел дальше, и снова читал: «Под камнем сим покоится раб божий Шамов Степан Фёдорович, умерший 12. 01. 1892 г. в городе Н. Новгороде в возрасте 57 лет». «И этот тоже до пенсии не дотянул», – снова сетовал Василий Николаевич.

Осенней порой старый бухгалтер любил прогуляться по кладбищу среди красивых мраморных надгробий, но всегда подолгу задерживался только у одной могилы, которая была чуть в стороне от остальных, скрытая от посторонних взглядов густой зарослью акаций. Надгробье этой могилы было очень живописным, и выбито на черном мраморе здесь было нечто жалостливое, даже можно сказать поэтическое. Василий Николаевич подходил к мраморной плите и читал: «Под камнем сим покоится наша любимая дочь, раба божья Таисия Бушкова, утонувшая 2. 06. 1861 г. при купании. Ей было 17 лет». Василий Николаевич представлял себе юную нимфу с русыми кудряшками на голове, которая медленно заходит в теплую воду, и его охватывало какое-то странное грустное томление, как будто Таисия была его родственница. Он наклонялся над холодной могильной плитой и проводил по ней рукой, сгребая первые желтые листья. На темном мраморе после

этого оставались влажные следы от его пальцев — четыре неровные полосы — росчерк его скорби.

Созерцая красивые надгробья из черного мрамора, Василий Николаевич сожалел, что когда он умрет, никто ему такой памятник не поставит и такой красивой надписи не напишет. Это, наверное, очень дорого.

Дальше на кладбище, если идти вдоль реки, находились памятники советской поры, и читать на них было совершенно нечего — только имена, фамилии, даты рождения и смерти. Хорошо еще, что на некоторых памятниках были фотографии. Так по крайней мере Василий Николаевич мог вспомнить того человека, о котором гласила крохотная табличка.

Иногда, когда Василий Николаевич вспоминал умершего односельчанина, он вдруг спохватывался: «Неужели этого человека уже на свете нет?» А Василию Николаевичу казалось, что он куда-то уехал на время. Но все чаще оказывалось, что его прежние знакомые никуда не уезжали. Они тихо и незаметно умирали, а он успевал о них забыть...

Вот так же, скорее всего, забудут и о нем. Тем более что он человек одинокий, никому не нужный... И что это он в последнее время так часто гуляет по кладбищу? Как будто пойти больше некуда...

И вдруг Василий Николаевич отчетливо осознал, что, и правда, некуда больше пойти. Колхозные поля далеко, да к тому же они заросли репейником. А кладбище рядом. И козочки на просторном кладбище заняты своим делом. Тут было много низкорослых кустарников, молоденьких акаций и рябин. Козы очень любили скусывать с них тонкие веточки и листочки. Серебристый свет осени струился на могилы сквозь кроны деревьев косыми пучками. В дальнем конце кладбища пели хрипылыми голосами какие-то незнакомые птицы, а может быть, пьяные мужики. Так сразу и не разберешь. Василий Николаевич утомленно присаживался на случайную могилку и сонно наблюдал за козами. В это время козы были ему как шаловливые дети, как дальние родственники. Иногда в такие минуты Василия Николаевича охватывал мимолетный восторг. «Как хорошо! — думал он. — Как красиво! И тишина, и чистый воздух, и шелест листвы». Только этот восторг

не длился так же долго, как в детстве, а скоротечно затихал, погребенный под ворохом насущных проблем...

Когда Василий Николаевич возвращался домой, был уже вечер. Козы понуро шли за ним, и Василий Николаевич с досадой замечал, что старая коза вся в репье. У старой козы была густая и длинная шерсть какого-то неопределенного серого цвета. Василий Николаевич долго собирался ее остричь, но руки все не доходили, все как-то не хватало времени...

Осенью молоко у старой козы начинало горчить, да и сам Василий Николаевич становился раздражительным. Приходил на работу мрачный, открывал амбарную книгу и с недоумением смотрел на серые листы, исписанные корявыми колонками цифр. В такие минуты он отчетливо понимал, что амбарная книга – это единственное его детище, его творение, которое является неким важным средоточием его бухгалтерского искусства. За точность и своевременность ее заполнения Василий Николаевич много лет получал приличные деньги. Он относился к этой книге бережно. Знал, где в ней небольшая помарка, где оторван краешек листа, в каком месте появилось желтоватое пятнышко неясного происхождения. И если требовалось что-то исправить в амбарной книге, то Василий Николаевич всегда делал это с неким внутренним беспокойством, как будто разрушал привычную композицию очень дорогого ему произведения. Вносил в нее беспорядок и дискомфорт.

Да тут еще, как назло, грянули рыночные реформы. Василий Николаевич долго не мог понять, что это такое? Важные государственные люди в телевизоре говорили одно, а кругом творилось совершенно другое. И только после того как весь товар, хранящийся на складах Хлебоприемного предприятия, вдруг стал расти в цене не по дням, а по часам, Василий Николаевич понял, что в России произошло что-то страшное. И сейчас его амбарная книга уже ничего не значит. Она потеряла свое значение, весь свой сокровенный смысл. И сам он в этой новой стране тоже, видимо, уже ничего не значит.

Козы Василия Николаевича к осени стали какими-то беспокойными. Они то рвались на улицу, то блеяли и не выходили со двора, как будто там, за воротами, их ожидала неминуемая гибель.

Вскоре Василию Николаевичу объявили, что в конторе Хлебоприемного предприятия ожидается сокращение. Дали на подпись какую-то бумагу. Не думая ни о чем плохом, старый бухгалтер ее подписал.

Прошло еще несколько дней, заполненных заготовкой сена на зиму, прополкой огорода, какими-то неотложными делами. И тут вдруг как-то совершенно неожиданно и некстати ему сообщили, что он – первый кандидат на увольнение. Что его амбарная книга – это рудимент, тормоз на пути продвижения передовых рыночных реформ, что все данные о зерне сейчас будут храниться в компьютере, в непривычной для старого бухгалтера электронной базе.

Для Василия Николаевича это было как гром среди ясного неба. Он долго не понимал, что произошло. Как он сейчас будет жить? За счет чего, на какие деньги?

Какое-то время Василий Николаевич надеялся, что эти смутные дни скоро пройдут и все наладится. Все будет, как прежде. Как же это можно обойтись без бумажных пропусков на территорию Хлебоприемного предприятия, накладных и амбарных книг? Как можно обойтись без понятных всем колонок цифр на бумаге, где каждая колонка что-то значит, о чем-то говорит и написана его рукой.

Но увольнение с работы произошло в положенный срок, и ничто этому увольнению не помешало. Уже проходя по коридору конторы к выходу, Василий Николаевич неожиданно остановился в дверях и, не глядя ни на кого конкретно, сказал дрожащим от обиды голосом:

— Добились своего, оставили человека без работы... Молодцы!

— А мы-то тут причем? – искренне удивился главный бухгалтер. — Это не наша затея. Сейчас везде сокращения идут, не только у нас.

— Идут. Знаю я, как они идут, — снова заговорил Василий Николаевич. — Вы всегда отговорку найдете. Сами-то, небось, остались на своих местах. Вы — нужны, а я — не нужен. Ну да Бог видит, кто кого обидит.

И Василий Николаевич ушел из конторы, шаркая по паркетному полу грубыми подошвами литых резиновых сапог.

После его ухода я какое-то время испытывал странную неловкость. Мне казалось, что это я должен был оказаться на его месте. Я моложе его, я хуже разбираюсь в бухгалтерских делах. И вообще, если честно признаться, бухгалтерский учет — это не мое призвание. Я здесь чужой... Что из того, что я прекрасно работаю на компьютере. Меня вовсе не тянет заносить в него нелепые колонки цифр, набирать на нем платежные поручения и требования. Для меня компьютер — это окно в большой мир, где можно общаться с друзьями, находить что-то новое, интересное.

Продвигаясь в тот день домой по темным осенним улицам, я то и дело вспоминал про Василия Николаевича. Как он там в своем крохотном домишке возле кладбища — один, без работы, без денег?

Позднее я узнал, что Василий Николаевич зарегистрировался на бирже, как безработный. Что он стал выпивать, то и дело ссорился с соседями из-за какой-то межи, на которой он косит сено. Потом мне сказали, что козы его бродят по осенним улицам одни.

Ближе к зиме я уволился из конторы и перешел на работу в местное лесничество. Про Василия Николаевича я долго ничего не знал, пока однажды в делянке не встретил нашего общего знакомого, кладовщика Хлебоприемного предприятия Геннадия Сергеевича Бушкова. Мы разговорились. В разговоре я упомянул про Василия Николаевича, потому что давно его не видел и не знал, чем он сейчас занят. После этого Геннадий Сергеевич посмотрел на меня как-то странно, почти что испуганно и с деревянным лицом пояснил:

— А Василия Николаевича нет. Две недели назад мы его похоронили.

— Как похоронили? Что с ним произошло?

— Говорят, паленой водкой отравился. Один жил, близких друзей у него не было, поэтому его поздно хватились... Нашли на местном кладбище, возле какой-то старой могилы с мраморным надгробьем. Говорят, на похороны сын приезжал, жена. Отыскались какие-то дальние родственники.

— А я думал, что он куда-то уехал, — обронил я первое, что пришло мне в голову.

— Куда ему ехать? — удивился Геннадий Сергеевич. — Кому сейчас старики нужны?

БАНЯ

Николай Алексеевич решил поставить возле дома новую баню. В старой бане нижние бревна наполовину сгнили, из-за этого она сильно накренилась на один бок и стала напоминать ветхую избушку. К тому же зимой она долго натапливалась, и пол в ней всегда был холодный.

В середине лета он приступил к строительству бани. Выбрал удобное место в углу сада, возле рябины. Выкопал траншею под фундамент, заполнил ее битым кирпичом, который обнаружил в старом малиннике возле лога. Потом на своей машине привез из города два мешка цемента и только после этого вспомнил, что для заливки фундамента, кроме цемента нужен еще песок. Тракторная телега речного песка обошлась ему в тысячу рублей. Николай Алексеевич понимал, что такая огромная куча песка ему не нужна, но продавать песок мелкими партиями почему-то никто не хотел.

Вскоре возле строящейся бани появилась гора свежего соснового бруса, штабель досок, красные кирпичи и шифер. Новый строительный материал радовал глаз, поднимал настроение, но одновременно Николай Алексеевич удивился тому, как много денег на это потребовалось. По его подсчетам, он потратил на строительные материалы никак не меньше сорока тысяч рублей.

Для того чтобы в дальнейшем немного сэкономить, он решил заняться строительством бани самостоятельно. Для начала нужно было залить цементным раствором готовую траншею под фундамент. Для приготовления раствора он решил использовать старую детскую ванну, которая без дела стояла в дровянике. С большим энтузиазмом Николай Алексеевич сделал первый замес, потом — второй, третий. Вылил все это в траншею для будущего фундамента, потом обошел ее по периметру и удивился тому, что в траншее почти ничего не изменилось. Не прибыло.

Цементный раствор едва просматривался в просветах между кирпичами на самом дне.

Обильно потея, Николай Алексеевич стал замешивать цемент снова. Еще раз, еще. Торопился, носил песок ведрами из кучи возле дороги, воду наливал из водопроводного шланга. Снова обходил фундамент и снова поражался тому, как медленно продвигается его работа. Когда свою баню строил сосед Николая Алексеевича, у него вся эта работа получилась как-то играючи, как-то очень ловко и быстро.

В какой-то момент Николай Алексеевич даже засомневался в своих строительных способностях. Может быть, он делает что-то не так? Из-за этого работа у него не клеится.

Так, сомневаясь и переживая, с небольшими перекурами он трудился до обеда. А в обед пришла с работы жена и неожиданно сделала ему выговор за неправильное использование детской ванны.

— Для чего это ты ванну-то вытащил? — грубым голосом выговорила жена. — Она же эмалированная.

— Ну и что? — обиженно отозвался Николай Алексеевич.

Он стоял перед женой потный и грязный — такой, каким он никогда не хотел быть в жизни.

— Ты у нее эмаль отобьешь. Потом она заржавеет, — пояснила жена.

— А где же мне... в таком случае цемент разводить?

— Где хочешь, там и разводи, только ванну эту не трогай, — категорично отрезала жена и с недовольным лицом проследовала в дом.

У Николая Алексеевича и до этого разговора настроение было не самое лучшее, а после неожиданной словесной перепалки оно окончательно испортилось. Можно сказать к настоящему строительству он еще даже не приступил, а жена уже вставляет ему палки в колеса. Ну, что за человек! Что за натура! Ему захотелось махнуть на все рукой и нанять бригаду шабашников, которые обдерут их с женой «как липку». Вот тогда Анастасия Павловна поймет, каково это — обижаться на мужа, когда он делом занят. Тогда она оценит его усердие. Тогда она мигом во всем разберется.

Но прошло несколько дней, и обида Николая Алексеевича постепенно улеглась. Он с прежним энтузиазмом принялся за фун-

дамент. Закончил его, потом уложил на фундамент два ряда бруса, принялся было за третий ряд, поднял выше пояса одну деревяшку, вторую — и тут неожиданно почувствовал острую боль в спине. Это обстоятельство перечеркнуло все его дальнейшие планы. Слегка прихрамывая, он направился в дом, чтобы немного передохнуть и расслабиться. Дома намазал спину какой-то пахучей мазью и без дела пролежал на диване около часа, надеясь, что боль за это время утихнет. Так с ним уже случалось. Но когда после отдыха попробовал подняться, понял, что боль никуда не делась, а скорее наоборот — даже усилилась. Да тут еще к боли в спине неожиданно добавились грубые слова жены, неумелая трата денег, которую он произвел, жалость к самому себе, ощущение растерянности.

Николай Алексеевич остался лежать на диване, и через какое-то время ему стало казаться, что Анастасия Павловна, увидев его такого больного и такого разбитого, все ему простит. И ванну, и неумелую трату денег, и несговорчивость. Она его обязательно пожалеет, потому что любит. Ощутит свою вину перед ним. Поймет, что это все он делает не для себя — для нее, для детей. Но когда вечером заговорил с ней о своей усталости, о потраченных деньгах, о боли в спине, то услышал от нее такую фразу:

— Я тебя не заставляла всем этим заниматься. Ты сам придумал.

— Но... я хотел как лучше. Старая-то баня скоро совсем развалится.

— Как лучше он хотел, — огрызнулась жена. — Сам ничего делать не умеет и за все берется. Надо было настоящих плотников нанять, а не тормозиться самому зря.

Николай Алексеевич после этих слов на какое-то время даже растерялся. Сейчас его переполняла уже не обида, а самая настоящая ненависть к этой полной и краснощекой женщине, которая стоит перед ним с независимым видом и совершенно не собирается его понимать. В ней нет к нему ни капли сочувствия. Только неприязнь.

— Ну, какой из тебя плотник, скажи мне на милость? Ты же никогда ничего не строил.

— Я видел, как делают это другие, — оправдался Николай Алексеевич.

— Вот бы и обратился к ним за помощью. К этим другим... Вон, у нашего соседа сын целый год без работы сидит. А руки у него золотые.

Николай Алексеевич давно заметил, что о практических делах с женой ему лучше не разговаривать. В словах жены почему-то всегда присутствует железная логика, строгий рационализм. И почему-то так получается, что его жена почти всегда оказывается права, даже тогда, когда на первый взгляд прав должен быть он. Он проявляет большую заботу о семейном бюджете, он старается экономить, старается делать все своими руками. Пусть иногда это у него не получается. Все равно, это не дает ей права диктовать ему свою волю.

— Ну и нанимай своего соседа, если тебе денег не жаль, — наконец проговорил он, не поднимаясь с дивана.

— И найму.

— И нанимай, — повторил Николай Алексеевич с раздражением.

— Вот завтра же схожу к ним и поговорю. А то настроишь так, что после тебя все придется переделывать. В старой бане зимой с полу холодом несло, и в новой будет то же самое.

Николай ничего не ответил жене, только тяжело вздохнул и отвернулся от нее лицом к стене. Надо же, какая скверная женщина. Он так и не дождался от нее слов сочувствия. И для чего только взялся за это строительство? Знал же, что ничего хорошего из этой затеи не получится... Или не знал? Надеялся, что на этот раз все будет по-другому.

— Я больше никогда ничего строить не буду, — обиженно буркнул он, не поворачивая головы.

— Чего? — не поняла мужа Анастасия Павловна.

— Больше ничего строить не буду, говорю.

— И не строй. В наши годы нужно уже отдыхать, а не заниматься тяжелой работой.

— А как же баня? — не понял Николай Алексеевич.

— Я же сказала — завтра к соседям схожу, поговорю.

— Ждут они тебя, — с обидой огрызнулся муж.

— Ждут, не ждут, а поговорить никто не откажется.

И снова в словах жены Николай Алексеевич почувствовал

правоту. Этим словам он ничего не сможет противопоставить. Скорее всего, он стал уже больным и старым. И на него сейчас действительно нет никакой надежды. А коренастый сосед с безработным сыном, вполне возможно, согласится немного подзаработать. Мужики они здоровые, крепкие, привычные к тяжелому труду. Но обиднее всего было то, что он лежит на диване с больной спиной и у него такое чувство, будто ничего нужного для семьи не совершил, не сделал. Все его усилия пропали даром. Все было зря... И зачем только он взялся за это строительство? Надо было просто сесть и поговорить обо всем с женой. Тогда все было бы по-другому.

В тот вечер Николай Алексеевич долго не решался попросить жену намазать ему больную спину какой-нибудь мазью. Думал, что она опять скажет ему гадость или укорит за несговорчивость. Но когда, наконец, решился, она с готовностью согласилась. Подошла, села на краешек дивана и стала водить теплой рукой по больной спине. И от этого ее прикосновения ему сразу сделалось легче. Он почувствовал в ее руках столько заботы, столько нежности и сочувствия, что забыл обо всех своих прежних обидах и переживаниях. Одного этого прикосновения было достаточно, чтобы понять — она его по-прежнему любит. Она жалеет его, она желает ему добра. Он растрогался, почувствовал, что его глаза наполняются влагой и поскорее прикрыл их, чтобы она ничего не заметила.